

Проза Риммы Лавочкиной

Как стать евреем

О! На улице уже кричит дворник Бэнчик, значит таки пора вставать на работу. Гремучий голос этого великана будит всю улицу, которой выпала честь быть им опекаемой :- " Как папа? Как мама? Как Зуся? Как Песя? Как Йося? Осведомляется Бэнчик у сонных сограждан. Дело в том, что в нашем Биробиджане все и всё про всех знают. Ну зачем. скажем , Бэнчику знать про внучатого племянника соседки из пятого подъезда, которая этого Бэнчика на дух не переносит? Что вы, что вы?! Ему крайне важно узнать, какую оценку этот сопливый шнорар Яша получил за контрольную по математике. И попробуйте - ка убедите Бэнчика, что он прекрасно проживёт без Яши и без его контрольной. Мало того, что Бэнчик с пяти утра дикими воплями оглашает окрестности, на улицу выходят Биробиджанские женщины. Надо вам сказать, что расстояние в двадцать метров, между деревянными тротуарами, вовсе не помеха, для женских секретов.:- Саралэ, как там твой Хаим? Как его геморрой Ой, Дора, что тебе сказать? Азохэн вэй и ему, и его геморрою - мучился всю ночь... При этом женщины так жестикулируют кошёлками, что пройти мимо и не получить поклажей по голове, просто невозможно, и потому все идущие следом по неволе становятся слушателями женских тайн. И вот уже про мучения несчастного Хаима знает весь город. И не просто знает, теперь каждый ему готов помочь советом. Наконец открываются окна и голоса утренних птах тут же растворяются в гомоне женщин: - "Донечка, золотце, ты пердёшь ко мне повесить зуновески?"- "Абрам, Абрам, выгони из огорода петух! Он поклюёт нам всю капусту. Какие борщичи я тебе сварю?!", "Пэтинька -сынок, одень шкеры, не дай Бог застудишь прыдатки!" "Ой, да разве это мёбель?-, кричат из другого окна -"Это не мёбель, это яшчики для помидор!" И надо вам сказать, что все фразы в этом городе оканчиваются восклицательными знаками, а как вы думали, так просто здесь не разговаривают. Когда же дети выходят в школу, на улицах наступает праздник. Соседкам крайне важно знать, что Сашенька ел на завтрак, где работает мать Гершеле, и тепло ли оделся Ицик? Вы когда нибудь видели в Биробиджане чужих детей? Что вы?! Чужих детей на свете просто не бывает. Здесь каждая бабка считает своим долгом, наблюдать за любым ребёнком, находящимся в поле её зрения. А вдруг его, упаси Бог, обидят? Каждая считает своей обязанностью, прочитав соседскому шлымазлу лекцию о хорошем поведении, или сунуть ему в руку карамель. И, думаете дети это ценят? А как же! Таких сорванцов, как в нашем Биробиджане ещё поискать. Если солнечным днём, вы увидите на дороге яркий мячик, не вздумайте его пнуть, не то месяц лежать вам с больной ногой. Мячик, как пить дать набит такими камнями, какие встречаются только в Биробиджане. Нитки, лески, верёвки поперёк дороги, приклеенные монеты, падающие на голову целлофановые мешки с водой , посвисты, дразнилки и плевки всё это цветочки... В коммунальной квартире, где я живу, есть соседка тётя Мотя. И вот она повадилась по ночам, есть мясо из чужой кастрюли. Конечно не от хорошей жизни... Но кому это понравится? И вот, соседский пацан Вовка со своим другом, опустошили кухонный шкафчик и залезли в него. До полночи они промучились, зато, когда бедная Мотя пришла лакомится мясом, эти двое с воплями выскочили наружу. Моте сделалось плохо, мясо застряло у неё в глотке. " Скорая" едва её откчала. А как переполошился весь дом. Вот вам и дети!

Уж не знаю, проклятье это Божье, или благословение, но у нас уйма городских сумасшедших, и знает их весь город. Ещё бы, ведь о каждом ходят анекдоты. Вот

говорят, что Зяма Кручинецкий съел на спор сорок пирожков с повидлом и остался жив. А его диалог с кондуктором знает весь Биробиджан: - Зяма, берите билет.

- Не могу. Я ненормальный. Тогда идите пешком.

- А как же... Что я - ненормальный? А блаженный Яша Трахман?! Он всегда ходит по улицам с ящиком инструментов. Улыбается и со всеми раскланивается. Любую поломанную скамейку, или песочницу он считает своим долгом починить. Если ему дали доски, то у Яши счастье. Тогда он мастерит и горки и беседки. А какой вежливый этот Яша! Вот вам пример, сама видела. Идёт по лужам, какая - то соплячка и выставляет на обозрение всему городу свою ручку с новыми часиками. Так её рука вперёд и торчит. И ей повезло, навстречу Яша... : - Доброе утро, мадам! Который час? "Мадам" краснеет от удовольствия. - Большое вам спасибо, милая девушка. Будьте здоровы! До свидания! При этом Яша сверкая глазами и брызгая слюной, почтительно кланяется. И таких чудиков в городе уйма. Есть ненормальная Броха, что рождает каждый год одних девок. Их у неё выводок. Причём девки получают, нормальными через одну. Но и те, что удались, бегают по улицам грязные и голодные. Благо , что их опекают сердобольные старухи, иначе бы они умерли с голоду. На углу пересечения улиц Ленина и Калинина, сидит огромных размеров еврей. Ноги его не носят, а шнобель такой, что можно принять за шлагбаум. Зато этот Пантагрюэль весь в наколках. Смотрит на мир мудрыми глазами и всем сообщает, что " жаренные гвозди на зоне едал". А Макс? Ходит с судками в столовую. И зимой и летом он без шапки. Стужа минус сорок, деревья от мороза трещат, воздух звенит, глаза стынут... А Макс без шапки. Смотреть страшно. : -"Макс, одень шапку!" Но нет, ему не холодно. У него плешь на всю макушку, зато по бокам длинные курчавые патлы, и голову свою он совсем не бережёт. Он рассказывает, что все родственники у него в Париже . И сам он туда вот-вот поедет, поэтому и шапка ему ни к чему. Но он скорее поедет на кладбище, чем в Париж. И вы знаете, город любит своих сумасшедших. Их здесь никто не обижает, упаси Б-г, не бьёт, над ними только подсмеиваются. Ой – вэй, у нашего Биробиджана, внутри столько боли... но только это одному только Б-гу известно. Когда с 48-го года принялись сажать народ, никто в этом городе не мог поручиться за здоровье своей головы. Забирали, журналистов, врачей, учителей, актёров и даже музыкантов. За что?! Да ни за что! Всех этих людей знали в нашем маленьком городе с ног до головы. Это были почтенные люди. За, что их могли посадить? Только за то, что они дышат? Пожалуй, было проще сойти с ума, чем ответить на этот вопрос. Да ведь и ты можешь быть следующим

И вот в 53-ем году люди стали возвращаться из лагерей. Видели бы вы их измождённые потерянные лица. Они ни на что не жаловались, они вообще не хотели говорить о том , что с ними случилось. Будто и не покидали Биробиджан. Их страх шёл впереди них на целый километр. Моя соседка по коммуналке - Люба Вассерман. Она у нас известная женщина. Пишет стихи на идиш. Я Любиных стихов не читала, поскольку не знаю этого языка, но ценители их хвалят.

За стихи то её и посадили. Хотя, казалось бы, кому нужны стихи на идиш, кто в нём что то понимает?... Но отсидела Люба за стихи больше шести лет. Все эти годы её муж, Михаил Бенгельсдорф, ждал жену и воспитывал сына. Я с Любой дружила и до тюрьмы, дружу с ней и сейчас. И вы думаете, Люба хоть раз рассказывала мне о своём горе? Ни разу! Хотя... Однажды Люба вытирала пыль, а на этажерке лежала большая рыба кость с зазубринкой. И вот эту кость она мне показала, а потом вынула из комода кружевную салфетку. -"вот это кружево и было связано этой костью. Ни спиц, не крючка в лагере не было, её подруга связала кружево тем, что было." И эту память Люба хранила в своём комодке. И не слова более, ни вздоха. Но Любе то ещё хорошо, её ждал муж. А какого было тем кого не ждали? Другой поэт- Хаим Эмиот, вернулся из лагеря на Биробиджанскую лавочку. К тому же от несчастного Эмиота лишь тень осталась. Он был разут и раздет. Вся редакция газеты "Биробиджанской звезды" , в которой я работаю, бросилась ему помогать. Даже "швэйной" фабрике дали задание одеть поэта Эмиота. Там ему и сшили

абсолютно всё от трусов и рубах, до пальто. Ну что вам сказать? Половина народа не вернулось вовсе. А кто из журналистов вернулся, пришли назад, в свою редакцию. И Наум Фридман, и Бузи Миллер, и Мойша Рабинович.

Редакция газеты это диковинное место, двери здесь не закрываются. Народ верит своей газете, а газета старается для людей. Я работаю в отделе писем. О! Наш отдел Биробиджанцы просто обожают. Жить без него не могут. Мало того, что они пишут нам по любому поводу, они ещё любят сюда наведываться, и спрашивать дошло ли до нас их письмо? И, что мы по этому поводу думаем? О некоторых друзьях газеты, таки стоит рассказать. Их приход в редакцию, не хуже концерта Райкина. Вся редакция, порой так смеётся, что стекла звенят. Например, любит к нам захаживать Исаак Васерман, он регулярно приносит нам заметки о своей швейной фабрике. В народе её любовно называют – «Швэйка». Исаак, по-русски почти не говорит, а пишет и того хуже. Но, как патриот своей фабрики, не может молчать. Весь мир должен знать о замечательной "Швэйке". И он приносит нам заметки такого содержания: - "С первого марта фабрика переходит на выпуск дамских демисезонных пальто, начиная с ясельного возраста". А потом перечисляет ударников, которые будут шить эти пальто. И на подобные заметки он неистощим. А чего стоит древняя старуха с мокрым носом - Гитерман Доня Симховна? Уж не знаю какими ветрами занесло её в к нам из Одессы, но ходит она в лохмотьях, замёрзшая и голодная. С носа у неё свисает капля и норовит упасть, но так и не падает. Однажды мы напечатали её заметку и заплатили кой-какой гонорар. И вот она что - то скумекала, и повадилась к нам в редакцию носить заметки. Мы и предположить не можем на какую тему будет её очередной шедевр. Это может быть и негодующий вопрос, например: - "Почему не поют песню "Дело было под Полтавой"? Я внимательно слежу за судьбой этой песни, и ни по радио, ни по телевизору она не звучит. Я просматриваю программу её нигде нет. Будто этой замечательной песни и в природе не существует. И что же это за безобразие такое!" и далее, длинное возмущение по этому поводу. Не далее, как пару дней назад, Доня Симховна снова клокотала. Она написала заметку на злободневную тему: " - Какой кошмар! В продаже нет медиаторов. Я обошла все магазины, но медиаторов нет!"

- "Стоп, - говорю, Доня Симховна, что такое медиатор?"

- Как, вы не знаете, что такое медиатор?! Вы не играете на балалайке?

- Ну разве я похожа на человека играющего на балалайке?

-Так медиатором таки играют на балалайке. Это такая пластинка целлофановая, чтобы

Пальцы не сдирались. "Вам надо себе представить балалайку и медиатор, глядя на Доню Симховну. Ну совершенно несовместимые понятия. Но это ещё цветочки... Старуха любит писать воспоминания: "-Я жила в Одессе, где всё принадлежало Бельгийскому обществу, даже трамвайная линия принадлежала Бельгийскому обществу. И в скобках почему то приписано: (Читайте Горького "Мои университеты"). Мы всей редакцией ломали голову, пытались связать Бельгийское общество, Одессу и Горького "Мои университеты". И вот с такими воспоминаниями Доня Симховна заходит к нам регулярно. А Лазарь Дегтярь? Это Шолом - Алейхемовский герой. Колоритнейший еврей. Уж на что у нас в Биробиджане своеобразный народ, но Лазарь, что - то особенное. Казалось бы уж у нас, носом никого не удивишь... Но нос Лазаря не идёт ни в какое сравнение, на него садятся голуби. Одет Лазарь в потёртую до дыр форму телеграфиста, не знаю каких годов. То есть это китель и фуражка, но на то и на другое страшно смотреть. Приходит Лазарь Моисеевич с только практическими вопросами. А что делать? Его злейший враг тот самый дворник Бэнчик. На него и приносит Лазарь жалобы. Беда ещё в том, что Лазарь и Бэнчик живут в одном дворе, а про их тяжбу с сараями знает весь город. Когда построили эти сараи, Боже - мой. сколько было счастья! Но Лазарь пришёл с жалобой.

- Вы радуйтесь, Лазарь Моисеевич? Чего же вы жалуетесь?
- Как я могу радоваться. когда Бэнчик, взял и занял мой сарай. Я остался без сарая, что же мне делать?

- Действительно, что же вам делать?

- Как что? Я сверху его замка, повесил свой замок. Теперь ни Бэнчик, ни Лазарь не пользуются новым сараем. Но пока Лазарь жалуется на Бэнчика - пол беды. Однажды он заявился к нам со старой дерматиновой кошёлкой, Которая, казалось, вот - вот развалится. Поставил её у двери и говорит: " - Вы понимаете, этот Бэнчик, он же только деньги получает, он же ничего не убирает. Вот если Бэнчик найдёт рубль, он его обязательно подымет и возьмёт себе, а целую дохлую кошку он не видит. Сегодня, с пяти часов утра я шёл за ним следом и заглядывал в урны ".- (Вы себе представляете, этот Лазарь встал в пять утра, чтобы шпионить за Бэнчиком). - И вы знаете, в одной урне, рядом с вашей редакцией я нашёл дохлую кошку, я даже могу вам её показать." И Лазарь нагибается к кошёлке. Тут моя напарница, Мария Савельевна, женщина весьма брезгливая, начинает визжать и падать в обморок. - Не надо. говорю, Лазарь, не надо её вынимать, мы вам и так верим. Несите её в милицию , в «санэпидэманацию», куда хотите, только подальше отсюда.

У Лазарь Моисеевича есть дочка , она от рождения инвалид. У неё что то с ногами. И что бы Лазарь не рассказывал о ней, всегда говорит: "моя дочка - калека", без этого определения , он о ней не упоминает: -"Я вам расскажу, что со мной вчера случилось. Сажу я дома, со своей дочкой - калеккой, и извините за выражение, кушаю. Вдруг - бац, в окно летит камень. Я голый, выскакиваю на улицу и вижу, они уже бегут по той стороне. А никого нет. Вдруг вышел из подъезда какой то еврей. Я ему кричу: - Хватай! Лови! Вы думаете мне был толк от этого еврея? А-как-же! Он тут же забежал назад в подъезд. После долгого рассказа мы понимаем, что Лазарь таки схватил трёх мальчишек и привёл в милицию. " -Их построили в ряд - продолжает Лазарь: - Они такие красавцы! Ну такие красавцы!

- И что же вы хотите от нас, Лазарь Моисеевич?

- Как? А кто же мне будет стекло вставлять?!

А ещё к нам толпы приходят поговорить о политике. Поговорить об этом, в редакции газеты - святое дело. Впрочем, в Биробиджане о политике говорят везде. Это не город - это пуп земли, здесь решаются судьбы всех стран и народов. И пуп этот в основном сосредоточен у ворот рынка. Здесь всегда толпа евреев, вместо того , чтобы говорить о цене на мясо и помидоры, они решают судьбы мира. Когда кто – то устанет рассуждать и размахивать руками, его место тут же занимает другой. Здесь гвалт на идиш круглый год. Поговорить в Биробиджане любят. Если вы не дай Б-г, спросите у какой либо трясущейся старухи, как дойти до аптеки. То пиши пропало. Три часа. Как минимум у вас уйдёт на выслушивание её биографии, на подробности жизни её детей и соседей... А потом она ещё сама пойдёт вас провожать до этой аптеки. На вопрос : - Который час, вам ответят вопросом: - Что, вы не знаете который час? На вопрос: - Где вы живёте? – Как вы не знаете , где я живу? И действительно, в этом городе невозможно чего-то не знать. Если с вами приключилась такая напасть, вам сейчас же всё расскажут. А как народ здесь любит писать?! Каждый, кто научился писать уже писатель. А уж , если мы опубликуем пару строк, радости нет предела. "Писатели" счастливы , я вам не передам как. Но в Биробиджане очень любят писать жалобы. И мы обязаны принять меры. На нашу газету надеются, и мы не подводим. У нас , даже есть регулярная рубрика: "Письмо позвало в дорогу" В течении двух недель, жалоба должна быть рассмотрена, и меры приняты, поэтому каждое письмо с любой жалобой, отправляется по инстанциям. А уж что нам отвечают начальники!.. Эти ответы нужно издать юмористической книгой. Например, есть у нас начальник железнодорожной станции товарищ Шпилько. И вот , написали жалобу, что на виадуке нашего вокзала, нет лампочек. И страшно ходить ночью по виадуку. И товарищ Шпилько нам ответил: " – На ваше письмо сообщаю, что виадук станции Биробиджан освещён двумя лампочками, частая перегораемость которых, создаёт видимость неосвящённости." Вот такие перлы мы получаем. Но у нас есть один штатный жалобщик. Он жалуется на всех подряд. И его, к несчастью, выбрали общественным

контролёром. Никто не захотел в контролёры, а Затонайченко захотел. Так он, не даёт проходу ни одному заведующему магазином, ни одному начальнику базы. Он занимается расследованием и поиском хищений, и каждый день к нам от Затонайченко идут письма, а в них часто жалобы: "- За недопуск общественного контролёра к материальным ценностям, и обзыв его личности словом "засранец", требую привлечь к строгой ответственности Такого то и такого". Надо вам сказать, что Затонайченко большой моралист. Обо всех. Кто "аморально" себя ведёт он тут же сигнализирует. Так он написал об одной женщине: " За шесть лет своей совместной жизни с мужем она успела шесть раз свестись и развестись, и неизвестно, сколько бы раз она ещё сходилась и расходилась, если бы он не скончался!" Некоторые его жалобы и вовсе неприличные. Но пусть они останутся в наших редакционных аналах. А вот наших "селькоров" часто тянет на поэзию. Так Мойше Рак из Валдгейма, пишет зарисовки. Он всё пытается художественно изобразить: - "Коровы , при свете восходящей луны, молчаливо стояли в загоне и жевали сено"- и далее в том же духе. Да, Биробиджан – город писателей. Как видите, здесь живут очаровательные люди. Покажите мне ещё такой город, где бы все русские стали евреями. А что делать? Если вокруг одни евреи, правда с примесью разного народа - русских, корейцев , нанайцев. Но, кто здесь отличит нанайца от еврея, а уж тем более русского, Когда за твоим "выродком" присмотрит Баба Рива, займёт очередь за молоком тётя Фэйга , а починит канализацию сосед Яша? Если вы думаете, что я – еврейка, то вы глубоко ошибаетесь. Звать меня Нина Филипкина и во мне ни единой еврейской кровиночки. И всё же, по духу - я еврейка. А как же? У нас в Биробиджане, все евреи. И если вы, вдруг, хотите стать евреем, то ради Б-га, кто вам мешает? Просто приезжайте к нам в Биробиджан.

Курочка снесла яичко. Продолжение Как стать евреем

1. Больше всего в нашем Биробиджане любят майсы про наш Биробиджан. Это город мифов и легенд. И, если вы думаете, что единственная в нашем городе мостовая на улице Ленина, мощена камнями, с ближайшего Бирского карьера, то вы глубоко ошибаетесь! Нашим людям куда приятнее считать и всем рассказывать, что эти булыжники привезены с самой Красной Площади. Якобы там, делали ремонт, меняли мостовую, и старые камни подарили Биробиджану мостить улицу Ленина. А как же?! Разве могут на биробиджанской улице Ленина лежать камни не с Красной площади!? Вот вам и миф, вот вам и легенда!

У нас, что ни человек, то история! Возьмём моих соседей, а живу я, как вы помните, в коммунальном доме, на этой самой улице Ленина. У нас на один квадратный метр, столько гвалту, что ни рад уже и камням с Красной площади: Милька Герцеговна, опять твой засранец, насчёлкал семочек прямо в мой борсч!» «Додик, «зунеле», чтоб ты сдох, опять получил двойку, по арихметике?! Не плачь, выродок, пусть это будет твоё самое большое горе!» «Дора, что б у тебя повылазило, закрой свой пасть, пусть уже наконец в этом мире станет тихо!»

На первом этаже живёт скромная чета Паньковых. И всё было бы хорошо, но к ним понаехали тётушки со всего Советского Союза: из Одессы, Херсона, Таганрога, все они съехались в наш Биробиджан, и прямиком к племяннице Бете, к жене Панькова, будто кто её мёдом намазал. А что этим бедным женщинам было делать?! После войны все они остались одиноки: у одной на войне погиб муж, у другой – все дети сгорели в печах концлагеря, и теперь она сама стала их тенью, третья - чудом вылезла из общей могилы, ей повезло, она лежала сверху. Так уж вышло, что все эти Сары, Песи и Доры приехали к племяннице в Биробиджан, больше у них никого не осталось. Надо вам сказать, что Анатолий Васильевич Паньков всех принял, и никому не отказывает: кормит, одевает и лечит. Деньги у него водятся, работает он директором «Текстильторга», и как говорят в Биробиджане, – «крутится». Дошло до того, что во всех трёх комнатах Паньковых живёт

по четыре старухи, а сами молодые ютятся в пятиметровой кладовке, но, как говорится, не жалуются. Тётки ведут хозяйство и держат корову Брошку. Одна из старух, Сара Шмаевна из Одессы, работает сейчас в артели «Работница», и получает таки зарплату. Но дело в том, что когда - то Сара Шмаевна делала революцию, и с тех пор глаза у неё горят, а сердце поёт от восторга. Поэтому она таки любит пригласить на чаепитие своих соратниц из артели «Работница» что бы спеть революционные песни. Но кончается оно тем, что за несколько дней у неё растворяются деньги на чай, и тогда Анатолий Васильевич, не говоря ни слова, берёт революционерку на дотацию. Если кому-то из тётушек, приспичит съездить на родные могилы, Паньков даст деньги на дорогу, обует, оденет, проводит, и встретит... И хотя он любитель выпить, ни одного грубого слова старухи от него не слышали, казалось бы, ну кто он им? Да никто - муж племянницы! И надо таки вам сказать, что Толик, единственный не еврей, во всей этой компании, но своих старух он любит всем сердцем, я могу вам за это ручаться. Мои соседи - я вам скажу – это праздник! Утром, едва откроешь глаза, как сразу же через форточку к тебе влетают все их проблемы: Баба Хава орёт так, что звенят стёкла:- Штинкер, ванюх, бегом иди домой!- Её «штинкер», с шести утра уже на улице воюет с электриком Штэйном,- «Замолчи свой рот!»- кричит он, а тот грозит, «взять «кусацки» и отрезать пэцки», всем кто выкручивает лампочки вместе с патронами. - Гвалт!- вопит моя соседка, «великая артистка» Хая Эпштэйн: - Макс, что ты наделал?! -А что я наделал?- пугается её муж,- я съел котлеты.

–Но, Макс,- это же были котлеты для кошечки!

Должна вам сказать, что Хая Эпштэйн, тоже таки легенда нашего Биробиджана. Она артистка! Правда после того, как арестовали часть её труппы, и разогнали оставшихся актёров еврейского театра ГОСЕТ, Хая работает маникюршей, но это не мешает ей оставаться артисткой. В Биробиджане так любят театр, мне вам не передать как, и когда разгоняют один, на его месте тут же появляется два новых. Теперь Хая играет в еврейском народном театре, а её муж Макс Эпштейн, известный в нашем городе композитор. Но беда в том, что Хае, мало быть артисткой, она хочет быть ещё и певицей. Едва её Макс садится за пианино, как вся улица Ленина обречена мучиться. Что вам сказать? Хая прекрасная певица, я вас умоляю! Про неё ходят слухи, что в пору своей бурной молодости она была бандершей в Одессе, то есть главарём шайки разбойников. Об этом свидетельствуют тяжёлые перстни из красного золота, которыми унизаны все её пальцы. Правда, теперь она не молода, и щебечет, как пташка: - «Мамочка моя, «зунелэ», «лейбэлэ», - другого обращения к людям она не знает. Но стоит вам усомниться в её достоинствах, или, упаси Б-г поспорить, она поворачивается задом и задирает свои юбки. ... Что вам сказать? Хая, таки – бандерша из Одессы! Когда она выходит на сцену, то прежде, чем сказать свою реплику, непременно раскланивается, причём на три стороны, и без этого не начинает. Но в городе её любят, очередь на маникюр «От Хай» не иссекает, хотя женских пальчиков она не щадит, и обращается с ними, как с варёнными сардельками. Женщины рыдают, но терпят. Ещё бы, ведь Хая Эпштейн - легенда Биробиджана.

Впрочем, артистами нас не удивить. Да почти в каждом дворе есть свой «погорелый театр». У нас, что ни «шлымазл», то артист. И если уж завелась детская дворовая самодеятельность, да ещё в летние каникулы, то пиши пропало - покоя не будет. Каждый день – новый концерт. И пока дети не перепеют и не перечитают всего, чему их выучили в школе - не успокоятся. А после этого начинается «обмен дворами». Наши идут к соседям, а те к нам. Но нужно отдать должное, биробиджанская шпана, любит таки патриотические песни ещё времён гражданской войны и «Каховку», и «Орлёнок». И как, скажите, их не послушать? Когда эти гаврики объявляют концерт, во двор тут же выползают с табуреточками все Паньковские Доры и Песи, и если они не хлопают, то убивают комаров. Частенько, артистами «погорелого театра» становятся и взрослые. А как же?! Да ещё и с удовольствием! Сара Шмаевна как раздухарится, да как начнёт

подпевать, и вспоминать свою боевую молодость, так уже дети про концерт забывают.

2

Если вы думаете, что наши люди живут в домах, то вы ошибаетесь! А как же? В домах так тесно, что негде повернуться - Биробиджанцы живут во дворах, тем более летом. И должна вам сказать, что в каждом уважающем себя дворе множество сараев, закутов и загонов, а в них куры, гуси, козы, и коровы. Недавно, году в пятидесятом, проводили переписку коров, так только у нас в городе, не говоря о посёлках насчитали восемнадцать тысяч голов. А, что делать? Люди любят держать «хозяйство», и не важно, что козы и коровы гарцуют прямо по улице Ленина, мощённой камнями с Красной Площади. Моя соседка Броха, говорит, что её муж Йося, любит гусей, больше, чем её- свою жену - он о них лучше заботится. Она рассказывает, что когда выходила за него замуж, Йося её обнадеживал:- «Вот, Брохалэ, куплю я тебе поросёнка, мы его вырастим, и что бы ты кушала себе, и не жалела». Правда на поросёнка они расщедрились ещё очень не скоро, но зато Ёселе таки успел от души угостить её на словах. Так вот, из тысяч сараюшек нашего Биробиджана, всегда кудахтало, бляяло и мычало, пока в один «прекрасный день», не вышел указ.

Животные, видишь ли, любят покушать хлеб. А кто, скажите, этого не любит? Но всё бы ничего, указ - указом, у нас, слава Б- гу, есть кому покушать хлеб, но в Биробиджане живёт такой человек, как Айзик Талисман. И на беду всего Биробиджана, этот Айзик работает милиционером и ходит при кобуре. Указ Хрущёва, Айзик Талисман принял так близко к сердцу, что теперь рыщет по городу и стреляет в коров. От одного служаки Айзика, горячими слезами рыдает весь город. Да, что там, город, все пригородные посёлки. Шурик Староминский, из соседнего дома, всю свою жизнь держал в хозяйстве свиней,(он без этого не может). Мы делились с ним объедками, и иногда среди этого «добра» попадалась и чёрствая корка. И вот Айзик Талисман совершил налёт на его сарай. И не поленился же, сразу засунул свою руку в помои, и нашёл таки там эту чёрствую корку. Что тут было!.. Мы до сих пор боимся, что бы несчастного Староминского не посадили.

До смешного доходит: Семья Рабиновичей с улицы Шолом –Алейхема, вырастили поросёнка в подполье. Там они его прятали от кровожадного Айзика.. Сначала всё было хорошо, поросёнок на аппетит никогда не жаловался и благополучно рос в своё удовольствие. Он таки вырос. Пришла пора ему выходить из подполья. Но сажали - то его туда размером с кота, а вытаскивать нужно огромного борова. Добровольно вылезать он был не намерен, и орал так, что сбежались все соседи, а с ними и Талисман. Разбирали пол и вытаскивали борова, но смешно уже никому не было. Потому, что такой уж ретивый этот Айзик Захарович что удержу нет: дети над ним смеются, женщины проклинают, мужчины грозятся побить, а Талисман, знай, делает своё дело. Он таки отучает евреев от свинины, а заодно и от молока.

3

Как я вам уже рассказывала в нашем Биробиджане все, кто не евреи, ими становятся- это дело времени, но правоверных иудеев в городе «днём с огнём». Хотя, есть у нас деревянная печальная синагога, ходит туда задумчивый Абрам Случ всё чему-то молится и трепещет, как осиновый лист. Молится и трепещет, трепещет, и молится. А как иначе, если, моей подруге, Любе Вассерман, дали десять лет тюрьмы лишь за одну, нигде не опубликованную строку в стихотворении, и то на идиш. «Моя страна-Биробиджан» написала Люба,и этого вполне хватило...

Я вам уже рассказывала как у нас пересажали уйму писателей, учителей, и даже музыкантов. За что? Да только за то, что они евреи! Город всё никак не может опомниться,и насквозь трепещет не меньше верующего Случа. Люди боятся говорить на идиш, а если по-другому не умеют, то затыкают друг-другу рты и размахивают руками.

А с другой стороны, теперь наши евреи изо всех сил стараются быть убеждёнными коммунистами. И не дай вам, Б-г в этом усомниться! У нас в Биробиджане есть таки всё, что бы вас в этом убедить, в том числе и «Обллит»- а попросту говоря цензура. Работаю я, как вы помните, в редакции областной газеты, и с «Обллитом» знакома не понаслышке. Заведует «Обллитом» один старый еврей Хаим Гороховский. Его любимое выражение: «Облит сделал вичерк». Ну, что вам сказать?! «Вичерки» этот Гороховский делает не без удовольствия. Все другие старые евреи, работающие в редакции хорошо знают цену его «вичеркам», да и тем еврейским книгам, которые Гороховский сжёт в железных контейнерах во дворе областной Библиотеки. О - это были редкие книги! Бесценное собрание художественной, религиозной и исторической литературы на идиш. Наши старые журналисты Абрам Беньяминович Кизер, и Цая Шапсович Цирульник в это время ходили под забором областной библиотеки и рыдали как дети. Но ещё неизвестно кому в это время было страшнее Гороховскому, или Кизеру с Цирульником. Нужно вам сказать, что и Кизер и Цирульник страдают астмой и дышат с таким свистом и хрипом, что больно слышать. Но всё же нам жалче монументального Цирульника, поскольку Кизер всегда настроен на весёлый лад, он сам и шутит и сам хохочет, а Цая Шапсович, что вы - серьёзен. Он мудрый еврей, и большой эрудит. А Кизер - редакционный Мюнхаузен. Он селькор, и пишет о великих надоях, о богатом приплоде, и о таком чудовищном урожае, что и в страшном сне не приснится. В результате выясняется, - несколько нулей им добавлены, но только за ради победы коммунизма во всём мире. Это его излюбленный способ приближать «светлое будущее». «Врёт как Кизер» -это редакционная поговорка. Однажды, Абрам Беньяминович ехал в автобусе, и одна старушка поведала ему, о вынужденном одиночестве своей хавроньи. «- Это судьба!»- обрадовался Кизер - У меня есть такой боров, о котором мечтает любая свинья! » и тут же дал бабушке свой адрес. Но всё дело в том, что борова у Кизера не было и в помине. Пришлось его жене и многочисленным родственникам извиняться, перед старухой, которая через весь город вела на свидание с боровом свою тоскующую свинью. Спросите его, зачем он это сделал, он вам не ответит, он лучше ещё сто раз кого – ни будь разыграет. Нужно вам сказать, что в Биробиджане разыгрывают друг-друга на каждом шагу. (В этом весь Биробиджанский «цимес») Сообщить приятелю оглушающую новость о выигрыше в лотерею, о приезде на фабрику члена политбюро, или известного артиста, угостить халвой, настругав полную тарелку хозяйственного мыла – это святое дело. В Биробиджане любят посмеяться, над соседом, даже если тот обидится на всю оставшуюся жизнь. А уж исподтишка, смеются так как и вовсе бы не следовало. Недавно к нам в редакцию был сослан в ссылку Лёва Хороц. Из Обкома партии он был изгнан из-за Насэра. Дело в том, что Лёва был лектором, и к своему несчастью, неправильно трактовал Насэра. Спросите меня кто такой этот Насэр, и я скажу:- убейте, но я не знаю. Впрочем, про этого Насэра по Биробиджану ходит четверостишие: «Лежит на пляже кверху пузом полуфашист полуэссэр, Герой Советского Союза, тот самый, что на всех насэр». Во всяком случае редакция от этого «Насэра» только выиграла, потому что получила Лёву Хороца, он и человек дельный, и юморист большой. Однажды к нам приехал лектор из Крайкома Партии, и естественно мы все пришли его послушать. Лёва заявился последним но со своим стулом, ему пришлось сесть у стены, но зато лицом к залу. Когда лектор завёл свою шарманку, Лёва тут же проникся его речью и стал эмоционально реагировать. И хотя реагировал он без единого слова, и только лицом, мы от смеха сползали со стульев. Своей физиономией Лёва недоумевал, ликовал, возмущался, наливался гордостью, а порой, категорически не соглашался с лектором – словом реагировал лицом, но так смешно, что мы «лежали под стульями». Бедный лектор, то краснел, то чернел, то заикался, и в конце – концов Хороц сорвал лекцию. Но кто запретит эмоциям человека отражаться на его лице? Но есть у нас жуть какие «идейные». Например, Фимка Корсунский. Он приехал к нам из Харькова с молодой женой. Биробиджан ей, видишь ли не понравился, она фикала, и

фэкала, и всё ругала Фимку, за то, что затащил её в «дыру». И Фимка из кожи лез, что бы теперь из этой «дыры» её вытащить. Едва устроившись в редакцию, он сразу схватил быка за рога, и начинал утро с «выбивания» строчек. Мы сначала опешили от такого «капиталистического подхода», эти строчки Фимка, тут же переводил на деньги, (мы такого не знали), да и к людям он относился так же: - «Что я с этого буду иметь?». Но он был всё же молодец: оперативный, и сенсацию отыщет, и тут же сфотографирует,. Он был большим охотником до сенсаций. Однажды поехал Фимка в Октябрьский район писать про сельскую школу. Возвращается и клопочет от негодования: «Что за безобразия?! Какая отсталость! Чему учат детей в Октябрьском районе?!»

-Что такое Фима? Что случилось?

-Ужас!- кричит- тихий ужас! Был я на уроке русского языка, и вы представляете, учительница дала детям предложение:- «Курочка снесла яичко», дети пол-урока его разбирали. Я спрашиваю:-«А в каком классе дети?»

- Во втором.

-Так чего же ты хочешь? Нормальное предложение, на правописание «че –ка» , уж я то знаю, моя мама учительница начальных классов.

- Что ты! -раскричался Фимка.- «Это когда было?! До революции?! Сейчас другое время, другие масштабы цели и задачи, великое время строительства коммунизма! Сегодня детям нужно давать идейные предложения, что бы они соответствовали духу нашей Советской действительности: про доблесть, про трудовые достижения, а тут, тьфу, курочка какая-то! Безыдейщина! Мракобесие!» - И пошёл, и пошёл... И что вы думаете, Фимка раскритиковал эту старую учительницу в нашей газете в пух и в прах. И получилась таки сенсация. Но ему мало этого, что бы доказать нам, усомнившимся, свою правоту, послал он заметку эту ещё и в Москву, в «Учительскую газету» И вот, месяца через полтора, слышу вопль на всю редакцию: - Опять эта курочка?! Это кричал главный редактор. Все к нему. Он разворачивает «Учительскую газету», а там большая статья с заголовком: «Курочка снесла яичко»: « В одном приамурском селе – пишут в этой газете, живёт пожилая учительница русского языка, которая всю жизнь учит детей писать грамотно. Но случилось таки «оказия» - школу посетил корреспондент областной газеты », и далее Фимкина «сенсация», вся как есть и пара слов о чёрствости, чванстве и угодничестве.. Тут кинулся Корсунский по кабинетам, снова доказывать свою правоту. Но после Московской газеты, его и слушать никто не стал? Потом мы эту «курочку», чуть ли не на бюро обкома разбирали, и таки заставили Фимку, написать учительнице извинительное письмо. Что вам сказать? Это была историческая курочка.

ПОЛГОДА В ПОЕЗДЕ

- Шесть дней туда, и столько же обратно... - это же почти две недели в поезде! - высчитывали мы с Томкой, собираясь на первую сессию в Москву. Два месяца назад мы поступили на «заочку» в Литературный институт, и путь в двенадцать дней был нами уже испробован. Лететь на самолёте и мысли не приходило, при наших-то зарплатах...

- Шесть лет обучения, продолжали мы свою бухгалтерию - это две сессии по четыре дороги, каждая длиной в неделю - это месяц в поезде ежегодно, а в целом - полгода под стук колёс. Душу приятно пощипывали занозки странствий, и мы повизгивали от предвкушения приключений.

Приключения не заставили себя долго ждать. И если, в первую поездку, на вступительную сессию, мы активно таращились в окна, а на третий день впали в транс круглосуточно медитируя, обливаясь потом и стихами - то это было редкой благодатью. За шесть лет наши поездки слились в один клубок полугодового терпенья, а в глазах навечно застыли просторы: то облетающие, то зеленеющие леса, почерневшие от «пала» луга, голубенькие

кладбища, бревенчатые серые хаты, вертлявые малые речки, торжественно гроыхающие Левитанским басом мосты, равнодушные незнакомые города, полупрозрачные встречные составы...

Чаще всего нам приходилось делить свой плацкартный кров с китайцами, их было много, ехали они с нами дня по три - четыре, до центральной Сибири, и никого рядом не замечали. Китайские мужчины смущали нас простёганными «кальсонами», в которых уверено гарцевали по вагону, будто в модных брючных костюмах. Да и женщины, в толстых колготах, с цветными попами, ничуть не тушевались. Такие колготки, россиянки обычно прячут под юбки, им же, детям природы, и в голову не приходило, что кому-то рядом может быть неловко. В основном они галдели, разгадывали кроссворды и поглощали заварную лапшу, поливая её пахучим соусом. Пакеты с мясным и рыбным, подвешивали на кожаные задвижки для окон прямо на стекло, и они покачивались у нас перед носом. Смотреть в окно приходилось сквозь, промежутки китайских пакетов. Разок я сняла их, пытаясь объяснить китайке, что желаю смотреть в окно, но она, сделав жест «Моя твоя не понимает», снова водрузила их на место. Пришлось смириться, пока содержимое пакетов не было съедено. Но, однажды, нашими соседями оказались, какие-то странные, совсем не нахальные китайцы. Они всё прятались по верхним полкам, и одеты были, как другие пассажиры в «спортивки», только, в ещё более ветхие. Мы полюбопытствовали, откуда столь "приятные соседи". Они оказались северными корейцами, ехавшими на работу в ту же Сибирь. В отличии от китайцев, собиравшихся каждые два часа в стаи что бы дружно покушать, корейцы глядели в окна голодными глазами и ели один раз в день ту же лапшу, заваренную в трёхлитровой банке, и полусырые шарики из теста. Ели они всё это с нескрываемым удовольствием, да так, что нам хотелось ещё чем-нибудь их угостить. После того, как мы предложили к их пустому чаю своё печенье, они стали называть нас уважительно «учительницами», и как мы не отрекались от этого почётного звания – ничего не помогало. Но нашёлся среди них умелец, который уже на следующий день стал спасать своих товарищей от голодной смерти. Когда напротив нас, под корейским одеялом оказалась раздетая распаренная толстуха, мы не сразу сообразили какая судьба нас теперь ожидает. Худосочный маленький кореец впился в её женские изжирины и пересчитал под ними все косточки, женщина только слегка повизгивала от удовольствия. Когда диагноз был им поставлен, кореец принялся за дело: он массировал её от макушки, до пят, ставил банки, окуривал чёрным дымом, смазывал чем-то невидимым, и до такой степени посвятил всего себя её опухшим ступням, что пот с него лился ручьём. К нему подходили сочувствующие собратья, и как боксёра на ринге, обтирали полотенцем, и он продолжал священнодействовать. За полтора часа тяжёлой работы, кореец получил относительно небольшую сумму, но был счастлив, не меньше, чем помолодевшая женщина. И началось!!! Очередь к волшебнику образовалась на несколько дней вперёд, та же толстуха заняла её уже и на завтрашний день, и на послезавтрашний, - «А потом, я, к сожалению, выхожу...» - чуть не рыдала она. Теперь, каждые полтора часа, к нам навевались самые разные женщины, они смущённо раздевались, и обречённо плюхались на принесённую ими простыню. Надо отдать должное, кореец для каждой менял «способ лечения», вероятно, в зависимости от поставленного им «диагноза». Но, неизменно, через пятнадцать минут он был мокрым от пота, и соратники старательно вытирали его спину. И снова курился в банке чёрный, или белый дым, блестела загадочная смазка, женщина кряхтела, кореец потел, но ступни и голова каждой были обихожены вдоль и поперёк с особой тщательностью. После ухода каждой женщины, кореец был ухайдокан совершенно. Он в изнеможении минут двадцать отдувался, и казалось больше не мог продолжать, но уже следующая «больная» стояла в проходе в умяляющей позе, прижимая к груди свою простынку. Кореец оказался джентльменом, он не в силах был отказать женщине. Однако, очень скоро, его тариф неумолимо пополз вверх, и чем дальше, тем выше, и вот оплата его услуг, стала в три раза

дороже, чем для первой счастливицы, но очередь всё равно не иссякала. Ошеломлённые столь кропотливым вниманием к их здоровью, клиентки платили сколько попросит, и занимали очередь на следующий день. Даже у меня, возникло желание испытать чудодейственного корейского массажа, но богатое воображение, не помогло мне представить как я разденусь перед корейцем, мне стало очевидно, что это средство годится, только для самых отчаявшихся, здоровью которых уже ничто не в силах помочь, но поток которых неиссякаем. Нам ничего не оставалось, как быть невольными свидетельницами этого диковинного действия, до самого выхода, корейской братии в Красноярске. Тогда, мы облегчённо, но с опаской вздохнули, ведь неизвестно, кто ещё придёт им на смену.

На смену пришли подростки - спортсмены, едущие на соревнования до самой Москвы. Они заняли места корейцев, но всё – таки - это были «свои» дети, а «своя ноша, как говорится, не тянет». Они, как и положено подросткам, то галдели, то бодались, то лягались, то хохотали и хлопали друг друга по затылку, то вынимали наушники из плеера и блеяли под барабанные всполохи рока. Теперь всё взрослое население вагона, предпочитало находиться подальше от нашего отсека, и только мы с Томкой, угрюмо уткнувшие носы в учебник, находились в эпицентре жеребьячьей подростковой возни. Поезд учил нас терпению.

И всё же, порой, было интересно наблюдать за людьми, особенно за молодыми и влюбленными. Пока они, исполняли трогательный и торжественный ритуал ухаживания, и как токующие глухари ничего вокруг не замечали. Будучи их соседями по купейному отсеку, мы, вполне наслаждались их свежестью и эротикой. Однажды нам повезло оказаться в самой «гуще» молодой и страстной любви. Мы с Томкой всегда «покупали» нижние места, (столько дней ехать!), а верхние и боковые на этот раз достались трём молодым парам, путешествующим от Краснодара до Владивостока и обратно. Девчата и парни - южане, и, наверное поэтому, совершенно не стеснялись двух читающих тёток. На верхних полках молодые располагались по двое, и ни в чём себе не отказывали... Девушки не сходили со своих лож, а трепетные ухажеры, приносили им «в клювах» с каждой станции соки и сладости». Флёр их страстной молодости окутывал нас несколько дней и ночей. Заигрывая со спутницами, парни бесцеремонно становились на наши нижние полки и подолгу колыхали гениталиями, (под тонкими шортами), у нас перед носом. (Нам оставалось относиться к этому с юмором). На утро мы с Томкой пили чай, и всё боялись, что бы свешивающийся с «чемоданной» полки презерватив не угодил нам в кружку.

Девушки, активно поглощали всё принесенное их щедрыми кавалерами, и совершенно не заботились о том, что бы выбрасывать свой пластиковый мусор. Обёртки, пакеты и бутылки складировались ими на третьей полке для чемоданов или прямо под столом. Когда пары покинули нас, соблаговоллив осчастливить своим визитом очередной Сибирский город, недовольный проводник выгреб из нашего купе несколько мешков мусора. «Красавицы не хозяйки – резюмировали мы с Томкой, - в жёны не годятся». Но как - то, мне пришлось стать невольной свидетельницей любовных ласк зрелых супругов, и это вызвало чувства совсем иного рода: Я уже давно страдала бессонницей, и ночь напролёт обречённо пялилась в вагонную темноту, а на боковушке, (напротив меня), пыхтели и перекатывались под тонким одеялом весьма упитанные супруги. Места на узкой полке им не хватало, и они явно мучились, (но не сдавались), а вместе с ними мучилась и я. Но "эзекуция" повторилась и на следующую ночь, и на третью, пока супруги не сошли с нами в нашем городе.

По дороге в Москву мы упорно, пытались учить билеты, делясь друг с другом шпаргалками, (исписанными тетрадками), словом, нам было чем заняться. Дела обстояли хуже, когда мы возвращались назад. Денег, обычно, было уже в обрез и приходилось осторожничать, прятаться в книгу от бесконечной армии «глухо - немых», кладущих на одеяло свои залапанные драгоценности и брелки. Обычно они оставляли пёстрый ворох на

спальном месте и быстро уходили, якобы доверяя вам все эти пластмассовые янтари, что бы вы могли, не смущаясь, ими насладиться. Тогда, по - неволе, приходилось выполнять роль охранника «золотого клада». Возвращаясь, «глухо – немой» бросал на вас взыскующий взгляд и просматривал свой товар. Становилось неприятно чувствовать себя подозреваемым, а вдруг он чего не досчитается и заговорит. Особенно тяжело в поезде приходилось в тёплое время года, (у наших сессий был "скользящий" график). В поездах, запылённые деревянные рамы, сменили на вакуумные стеклопакеты, но никакой фортки в этих «прорезининых заглушках» не предусмотрено, и мы обливаясь потом, как задыхающиеся рыбы, хватали ртом туалетный ветер из открывающихся коридорных дверей. Новые окна годились только для вагонов с кондиционерами, но окна были, а кондиционерами не пахло. Впрочем, по внутренним Дальневосточным дорогам, ходят поезда настолько издёрганные, затёртые, и грязные, что этот, «Московский», со стеклопакетами казался раем. Тем более, что за дополнительную плату в поезде был «душ». Несколько раз я покупалась на это громкое название - «душ». Вагон с «душом» приходилось искать и договариваться о времени с его проводником. «Душевая» представляла из себя обычный тесный туалет с железным унитазом, но вместо умывальной «пипетки», которую, что бы текла вода, нужно постоянно нажимать, здесь были простые вентиля. Проводник прикручивал душевой шланг с распылителем и разрешал лить воду прямо на пол. Так же, в задачу проводника входила обязанность предупреждать всех проходящих в туалет, что он занят. Всё было бы хорошо, если бы из душевого шланга текла тёплая вода, но она была совершенно холодная, и потому в «душевую» нужно было приходиться со своим сосудом для смешивания воды. Кипяток же, набирался в коридоре из самовара, в выданную проводником прозрачную ёмкость из под минералки. И вот, когда всё готово: шланг привинчен, кипяток набран, банка принесена, а желающие в туалет разогнаны, можно начинать мыться. И не беда, что вагон кондыбает и вы, обжигаясь кипятком колотитесь о стены и унитаз, чистая голова, и относительно чистое всё остальное, позволяет вам на время почувствовать себя счастливым. Порой, поездка была спокойной: мы по - долгу смотрели на проносящуюся мимо Россию, и слова о любви к Родине, совсем не казались высокопарными. Смотришь в окно и понимаешь, как сильно любишь эти величавые реки, (в который раз «ахаешь», глядя на них с моста), эти сосны с оранжево-бордовыми стволами, бессловесные деревушки, в центре которых разрослись голубые кладбища, любишь каждый цветок на лугу, каждую былинку... Любишь людей в вагоне, пусть у них, (как и у тебя) нет денег что бы лететь на самолёте, но есть всё остальное, что бы вникать глазами в эти просторы. Любишь этот работающий поезд, который, не смотря ни на что, упорно делает своё дело. По - матерински любишь смешных «дембелей», разместившихся на соседних полках. Порой, эти «дембеля» ведут себя вполне благочинно, подолгу пришивают яркие нашивки, какие-то нелепые шёлковые кисти, полируют бляхи ремней, и в который раз оглаживают кителя... Чтобы выйти на своей станции во всей красе, распахнуть молодецки руки бросившейся на грудь родне, что бы, подмигнуть ждущей в стороне, девушке. Но одну поездку с «дембелями» мы запомнили надолго. В тот раз нашими проводниками были мужчины. Одного, за русые кудри, мы окрестили «Есениным». Когда мы вошли в вагон, он уже был полон ребятами в военной форме. Мы с Томкой озадачено переглянулись...

Но вели ребята себя спокойно, тыкали на кнопки мобильных телефонов и гудели как пчёлы. Их было больше половины вагона, да и в другом вагоне, и в третьем, были их товарищи. Но часа через три кто-то принёс со станции трёхлитровые бутылки с пивом, и началось... Гул нарастал, и вот уже кто-то немилосердно лупцевал гитару и хрипло орал незамысловатую песню: - «Я, браток, уже свободен, а тебе ещё шуршать». Этим деревянным нескладушкам самозабвенно, закатив глаза, подпевали товарищи. Пиво приносили на каждой станции, и словно азартный дух поселился в вагоне: "кто больше выпьет". Ребята распаялись... один парнишка признался другу: - Я никогда ещё столько

не пил! Да и нас изумляло, сколько может вместиться литров в этих худых ребятах. Возле туалета возникла давка и кровавое мордобитие. Оказалось, что один у другого украл любимую игрушку – мобильник. Но украл нелепо - сразу выбросил его в помойку. Телефон был найден, а помойка окровавлена. «Есенин» с красной тряпкой пронесся мимо и тут же заперся в своей каморке, более, на люди он не выходил. Ночь обещала быть бурной.

Мы с подругой сидели, смиренно уткнувшись в книжки, и были всем довольны, пока ребята не стали нас «замечать». И вот уже один, самый brutальный, решил покорить моё сердце любовью к поэзии. Он полагал, что и я должна быть к ней равнодушна. Беспардонно сев на мой лежак, (мне досталась «боковушка»), он, без особого вступления, стал орать мне в ухо стихи Блока, перевирая их через слово. Я терпела. Но парень требовал похвалы.

– «Молодец, но, пожалуйста, пересядь на своё место». Не тут - то было, после чтения стихов, он решил, что покорила женщину, и теперь «право имеет», и навалился на меня всем телом. Это был крупный самец, но и я не из мелких, мне удалось вывернуться из под него и удрать к подруге. Томка же, смекнула, что лучше всего свернуться клубком под одеялом и отвернуться от этого безобразия, притворялась спящей. Мне же пришлось долго дожидаться, когда brutальный освободит мой лежак. Под утро я проснулась от того, что с верхней полки упал, довольно крупный парень, да так неудачно, что разбудил меня громкий стук его головы об алюминиевые углы скамьи. Парень сам не мог встать, мне пришлось его поднимать. Наверное, он единственный, кто не пил, во всяком случае, от него и не пахло пивом, но при этом он, чуть не убилися. - «Да хоть бы живыми добрались до своих мамок» - сетовала я. Но залезть на свою верхнюю полку он не смог, не мог даже прилечь, страшно болела и кружилась голова. На мои призывы у коморки «Есенина», о том, что нужно найти врача никто не отозвался. Упавшему было худо, но он сцепив зубы угрюмо терпел, а утром задремал на нижней полке своего товарища. На станции снова принесли пиво, кто мог, кривясь и страдая продолжал его поглощать. Наконец «дембеля» стали постепенно расходиться по своим станциям. Незадолго до выхода они вспоминали о нашивках, лампасах и кистях - долго прихорашивались. Оставшиеся, на прощанье пожимали им руки, и с тоской впивались глазами в окна.

Лететь на самолёте не только быстрее, в нём душе не больно, в иллюминаторе видишь лишь белые букеты облаков и «зелёное море тайги». В поезде всё по – другому: Зияющие пустыми глазницами остовы колхозных построек, (это убитые птичники и коровники). Посреди поля, заброшенные табуны пятиэтажек, (вероятно, бывшие военные городки), загаженные помоями пригороды, усыпанные пластиковыми цветами придорожные кладбища, горящие от «пала» леса... и рвётся наружу крамольная мысль о том, что хорошо бы президенту, со всей свитой, по четыре раза в год проезжать на поезде через всю Россию, что бы видеть, то что вижу я. А вдруг, и у него сердце заболит, (кто знает?), и хоть что-то изменилось к лучшему на этих великих просторах.

Однажды, мы почти сутки ехали вдоль горящих с обеих сторон железной дороги, лесов Амурской области. Пожар то подступал к поезду, то отдалялся на километры, а порой, поезд, словно зачарованный, вырывался невредимым из огня. Но все кто в нём сидели, скорчившись от ужаса, смотрели на горящий и вопящий от боли лес. И этот ад никак не прекращался! Тысячи километров живого леса, с животными, птицами, насекомыми, на глазах у нас превращались в уголь. Стемнело, а лес всё горел и горел... и ничего нельзя было поделать, только заламывать от волнения пальцы и принимать в сердце эту смерть. Каждый раз, проезжая мимо подожженной человеком сухой травы, я видела как огонь подобравшись к деревьям, опалает корни и подолы живых берёз. Черны от огня стволы берёзовых рощ, а деревья одиночки топорщат мертвые ветви, они погибли вместе с сухой травой.

Я знаю, как тяжело растёт человек, сколько раз мама обмоет его и перепеленает, вытрет нос, прижжет садины... сколько прочтёт книжек, пришьёт пуговиц, наварит каш и борщей ... Я знаю как тяжело расти деревьям, как из последних сил, терпят они засуху, морозы, ветра, огонь, но как легко мы ломаем их ветви, рубим стволы, просто так, по глупости ... Именно в поезде и приходит мысль об обязательных уроках экологии, что бы по двадцать и по сто двадцать раз объяснять детям и их задубевшим родителям что от «лесного пала», который они собственноручно устраивают, больше вреда, боли и ужаса, чем пользы.

Картину ползущего огня, опаляющего корни и стволы, я видела из окна вагона сотни раз, каждую весну... Деревья едва открывались тёплой благодати, сбрасывали с почек панцири и подёргивались зелёным туманом, и тут же их ноги начинал грызть огонь, стволы покрывались ожогами... Но деревья никуда не могли убежать от человеческой глупости. Да, если бы и могли, то куда? Она повсюду!

А под «крылом самолёта», всё поёт о чём-то «зелёное море тайги». На поезде - не поёт – вопит от ужаса! Сутками идут навстречу составы с лесом, они очень длинные, сколько я не пыталась считать вагоны, после пятидесятого сбивалась. На платформах, древесные стволы в три обхвата, им не меньше двухсот - трёхсот лет. Не деревья – деревья исполины! И вот они спилены, (ну уж конечно, не теми, кем были посажены). Но кто они... чужаки, пришедшие в лес, убивать и грабить, в один день убившие электропилами трехсотлетнюю жизнь? Куда везут эти мощные тела деревьев? У меня дома, вся новая мебель из прессованных опилок. (В нашем городке, (с тремя мебельными заводами), и в магазинах - то не найдёшь шкафа из чистого дерева. Куда исчезают эти огромные составы с лесом? (Да таким отборным!!!) В какую прорву они катятся?

Каждую поездку я с трепетом мечтала, что будет поменьше этих похоронных платформ – катафалков. Но не тут – то было! Год от года их всё больше, едут и едут они на Восток. И никак мы не насытим неведомую прозорливую бездну, которая проглатывает наши диковинные деревья, наши столетия, нашу красоту, наш чистый воздух... Да куда ей столько?! (Но, кажется, она бездонна!)

Лес - нескончаемая боль всей моей полугодовой дороги. Зато и газо и нефтепроводы выглядят из окна поезда образцовыми хозяйствами. (Прижилых вагончиках и яркой технике). Но именно в поезде, приходит мысль о том, что сотни тысяч лет, зреющая под землёй нефть, никак не может принадлежать конкретному человеку. Всей стране? (Да, впрочем, и страны ещё не было, а эта нефть уже была). Но, тогда на каком основании кто-то конкретный гонит её по трубам? Ни газ, ни нефть не могут ему принадлежать, как не может принадлежать воздух, море, земля, планета... Вся эта жизнь долго и терпеливо возрастала и зрела, и никто ей в этом не помогал. А теперь, все надежды, старания, весь кропотливый труд природы, тысячелетий кто-то продаёт за деньги, превращает в конфетную обёртку, и выбрасывает в никуда. Но каждый листочек в лесу заботился о своём неповторимом рисунке прожилок, каждое дерево обладало своим характером и манерой. Всё, до последней былинки напрягалось изо всех сил, что бы выжить зимой, реки, что бы очистится, цветы, что бы расцвести, земля, что бы родить... У евреев есть притча, о том, что у каждой былинки есть свой ангел, который велит ей расти. Но так легко убивать – а родить и вырастить - трудно! Время в поезде приятно-тягуче, как мёд, но боль людей, полей, и лесов постоянно врывается в вагонное окно. Иногда эта боль приходит прямо со станции и говорит «человеческим голосом» Так одна из соседок по плацкартному отсеку ехала от дочери, живущей в большом сибирском городе, в свой посёлок под Тюменью. Ночи для меня, к концу поездки, становились бессонными, (время путалось, и я вообще переставала спать, Томка же, наоборот, спала беспробудно).

Всю ночь мы проговорили с селянкой о её житье - бытье. Она поведала мне как, для того что бы накопить на эту поездку, пришлось долго выращивать свиней, но на

Тюменский рынок её не пустили, там все места куплены, Не для крестьян они,- для перекупщиков. Пришлось ей отдать свою свинину за гроши этим самым перекупщикам. Так и живёт их село, забитое и несчастное:- "Мужик мой, разбился на мотоцикле», рассказывала она. -Да это - то и Слава Б-гу!, избивал он меня страшно, так теперь хоть, руки – ноги зажали". Про соседку свою рассказывала: - «Та от мужа на крыше прячется, он высоты боится, только на крыше она и спасается, а не успеет на крышу залезть, вся синяя ходит. А другая соседка, трепещет, скоро её «убийца» из тюрьмы вернётся. Долго он её «в гроб вбивал», пока она его не посадила. Он дикий, и сильный, как бык, все соседи его боятся, а уж милиция пуще всех. Что он только со своей жёнкой не делал, даже в яму закапывал. А сроку ему дали - два года, сейчас он воротится, и говорит, что теперь точно убьёт. Последние это дни для бабы. И все про это знают. Сестра моя,- рассказывала крестьянка, пять лет без электричества жила,(отключили за неуплату). А у неё ни копейки... Теперь - то она ребёночка родила, специально, что бы пособие получить, да долг покрыть. Надоело в темноте, без лампочки маяться». Много ещё чего эта женщина рассказывала, и ко всему этому, сейчас возвращается. Какой интернет, какой компьютер?! – Без электричества люди живут – заплатить за него нечем! И посёлков таких тысячи, где слабые - беззащитны, где рожают детей, что бы получить пособие и отдать долги... И ничего с этим нельзя поделать, как и с горящим сутками лесом!

Однажды, вернувшись из поездки домой, я тяжело и долго болела. В этот раз у меня опять была «боковушка», и мне пришлось быть свидетельницей жизни таджикской семьи. В купейном отсеке размещались муж с женой и двое детей. Четырёхлетний мальчик, был страшно избалован, кричал на весь вагон, чего-то требовал, хватал, ломал, колотил ножками в перегородки. Соседи с обеих сторон, сначала взмолились, а потом вызвали начальника поезда, но никакие жалобы не помогали. На все замечания взрослых, малыш показывал неприличное мужское телодвижение, выставляя вперёд животик. На претензии соседей, измученная мама разводила руками: - Ну, что я с ним могу поделать?! Но избалованного ребёнка я бы потерпела, не могла я переносить того, что происходило с девочкой. Она была года на три постарше брата, но мать ни разу её даже не расчесала, девочке не разрешалось без повода слезать с верхней полки. Сама женщина была в постоянных заботах, она должна была накормить и вымыть посуду за десятком мужчин, приходивших к ним из других вагонов что бы покушать. Почему-то, именно эта чета, а точнее женщина, кормила всю когорту. Муж её предпочитал, не отрываясь смотреть в свой телефон, да и слушать только его. Но если сыну, он уделял десять минут в день, гладил его по голове, то дочь, принципиально не замечал. Все его жизненные интересы были связаны только с мобильным телефоном, который он не выпускал из рук, постоянно демонстрируя соплеменникам его «содержимое». Три раза в день, разнокалиберные мужчины собирались у них на трапезу, после них, крича и разбрасывая пищу, ел мальчик, потом мама, и только потом девочке позволялось слезть со своей верхотуры и поковыряться в остатках. Однажды, ей повезло получить новую порцию «Доширака», едва она открыла рот, что бы отправить в него первую ложку, как братец закинул в тарелку с лапшой свой тапок. Мать выкинула содержимое вместе с пластиком, но девочка ничего взамен не получила, так и отправилась на свою полку голодной. Я предложила ребёнку яблоко и печенье, но взять их у меня она побоялась, вместо неё схватил мальчишка, один раз откусил и тут же бросил на пол.

До слёз мне было жаль несчастную девочку, (такую милую,с грустными карими глазницами), но то была чужая семья, чужие, непонятные мне традиции, и всё, что я могла - только смотреть шесть дней на эту несправедливость, а потом тяжело болеть...

Так пол года учил нас поезд безмерному,"тяжеловыйному" терпению...На том и стоим.

Сила слова

Это был настоящий боевой хомяк, потрёпанный в сражениях и упёртый, как танк. В тесной магазинной клетке он презрительно возлежал поверх зашуганных собратьев и, как настоящий атаман всегда был готов к бою. Именно такой матёрый наглец нам и был нужен.

Дома у меня жило четыре хомячьих семейства. Они, как и положено почтенным хомякам возились по хозяйству и воспитывали детей, но одна молодая самочка ни за что не желала отдавать девичью честь без кровопролитного боя. Уж такая принципиальная уродилась. Первого ухажёра она искусала в клочья. Когда я увидела его раны, то ужаснулась, намазала противовоспалительной мазью, выхаживала, но хомяк умер. Второго крепыша я уже не оставляла с мерзавкой, осталась рядом "держатъ свечку". Парень был не промах, он тут же решил взять быка за рога и основательно припёр девушку к стенке. Но тут она жутко рассвирепела, самец уже был и не рад, что связался. Я буквально выдернула его из её разверстой пасти. Ну и зверюга! Мы было оставили девушку в гордом одиночестве, но увидели в зоомагазине настоящего витязя в потёртой шкуре – грозного хомячьего пахана.

Уси – пуси, ворковала продавец упаковывая этого дикого зверя в тонкую картонную коробочку, которую тот шутя разгрыз, едва наша машина тронулась с места. Чхи! – неожиданно громко крикнул хомяк мне в лицо, едва я протянула к нему руку. -Ого, да он простужен! Но нет- это был боевой клич и означал :- "Держите меня семеро - я за себя не отвечаю!" Всю дорогу носился он по машине и немилосердно чихал. Прежде чем выйти нам пришлось проявить чудеса мужества и смекалки, пока хомяк был пойман и обезврежен с помощью свитера.

И вот пахан наедине с разбойницей. Она встала в боевую стойку и оцетинилась. И тут наш парень, глядя ей в глаза гордо и уверенно сказал своё фирменное: - Чхи!!! Очень весомо сказал. По мужски. Хомячиха тут же растерялась и присмирела. - Чхи! для пушей убедительности добавил самец. И этим окончательно покорила её сердце. Ни о какой битве речи уже не шло. Вот, что значит сила слова! А хомячиха потом неоднократно была примерной мамой. Пахан же гарцевал перед ней неустрашим и отчаян, но больше уже не чихал.

Оттаяла

Стыдоба, сижу – рыдаю. Вокруг хруст, звон, плеск, блеск, музыканты надрываются, брильянты слепят, дамы приглашают кавалеров, а я слёзы и сопли по лицу размазываю. Да уже и не размазываю, окончательно лицом в ладони, и трясусь, как малярная. Убежать бы, пока карета в тыкву не превратилась, но пройти сквозь зал, с таким лицом выше сил. Жду, пока отхлынет. И это среди праздника, в кипящем ресторане на берегу синего моря...

Официанты нагибаются, меняют залитые слезами блюда, исподтишка в лицо зыркают, да куда там: я в своё лицо мёртвой хваткой вцепилась - не отдерёшь. А Он сидит рядом и только по голове гладит, как маленькую. Он сначала оторопел, а потом понял, что я сейчас не властна, что оно само во мне плачет. Оно - то ли моё сиротство, то ли беспробудное нищее одиночество. Всегда на краю, цепляюсь – не сгинуть бы. Заскорузла, заиндевала в отшельниках: для других эта жизнь, а я уж с краю примошусь. Не для меня всё это! Не для меня...

А тут вдруг Он, я и мечтать не смела. Разве ж такой в мою сторону посмотрит? Разве ж для меня?... А Он, вот уж год, носится со мной, как с писаной торбой. Каждое слово моё в руки берёт, да крылышки расправляет. Целует, обнимает, в глаза заглядывает. А тут ещё ресторан этот:

-Ну, что с тобой? Что ты? Успокойся, девочка...
-Не могу! Оттаяла...

Сивирь

-Сивирь, сивирь!- хохотал Ицък .
Каждому, кто входил в его мастерскую он что –то бойко лопотал на иврите, сверкая глазами в мою сторону и уже совсем развеселясь, как ребёнок тыкал в меня пальцем – Сивирь, Сивирь...-Уж очень это его забавляло.

Когда я набрела на его рамочную мастерскую с гордым названием "Галерея Весна" он, как и все в Израиле спросил: - Ты откуда?

-С Дальнего Востока.

-Это где?

-Ну...там где Владивосток, Хабаровск, Комсомольск...

Но эти названия ничего ему не говорили.
-Знаете где Сибирь? Так вот дальше, дальше Сибири.

Услышав слово "Сибирь"- лысый дядька развеселился не на шутку. Он сразу взял меня на работу, (за этим я сюда и заглянула). Ицък оказался симпатичным товарищем- не особо давил и платил исправно. Но каждому, кто приходил в галерею он рассказывал про "Сивирь". Постоянные его клиенты, зануды- пенсионеры, (выйдя на пенсию, они самозабвенно бросались в пучину изобразительного творчества), так меня и называли- "Сивирь".

Ицък был взрослым дядькой- марокканским евреем и рамочную мастерскую имел давно. Нужно отдать должное - он хорошо делал рамки, аккуратно резал паспорту и вкус у него был отменный, но самое главное, у него хватало терпения на многочисленных невыносимых художников. Так одна зажиточная дама, на старости лет решила, завоевать славу Дали. Абстрактная живопись как раз пришлась ей в пору - полосы и пятна - основной сюжет её произведений, но рамы для своих шедевров она выбирала дорогущие. При этом, придя за готовой работой, она находила, что раннее заказанная ею рама теперь, (при новом освещении), уже не нравится. Ицък знал, что спорить бесполезно и покорно переделывал, (и порой не раз). Дама непременно желала услышать хвалебную песнь о своём нетленном произведении.

-Как вам моя картина?

-Да! - говорил Ицък. Таки да!

-Что да? ! Что да? обижалась художница- Это же замечательно!

-Это лучше чем всегда! - и Ицък лукаво подмигивал в мою сторону.

Я была при нём "девочкой на побегушках", делала всю подручную работу, комплектовала картины, резала паспорту, мыла витрины ... Он было попросил меня сварить кофе, я сварила- и больше он меня об этом никогда не просил. Но более всего он любил демонстрировать меня своим клиентам. Экзотика! Порой мне казалось, что именно для этого он и принял меня на работу. Первое время Ицък спрашивал видела ли я телевизор, знаю ли как работает пылесос, и не боюсь ли медведей. Я изо всех старалась убедить его, что Россия - цивилизованная страна, но он не верил. А однажды, я прочно и навсегда утвердилась в своей "сивирскости": На работу я ездила на велосипеде. Вся дорога занимала минут двадцать. (На автобусе было и дольше и дороже). Как- то раз я попала под дождь. Опаздывать не хотелось, Израильская зима была мне смешна: то дождь, то солнце... Но зато какой дождь?! Какое солнце?! Ливень бывал бешеным, зонт не помогал, (ломался), люди бежали в подъезды- другого способа уберечься от летящей с неба воды не было. Дикие потоки неслись по дороге и закручивались воронками у канализаций. Обычно ливень был не долгим. За

пятнадцать минут с неба обрушивалась вся туча, и солнышко улыбалось, как ни в чём не бывало. Под такой дождь я и попала. А через минуту была мокрая с головы до ног, прятаться смысла уже не имело.

– А, ладно, высохну - махнула я рукой. И в таком виде заявила в мастерскую. Ицык был в шоке. Он не знал что делать, но домой ему отпускать меня не хотелось. Так я и работала. Часа через три высохла совершенно. Ицык же был покорён навсегда: - Я бы болел неделю! - рассказывал он с тех пор своим покупателям и хохотал самозабвенно - "Сивирь!"

Всё во мне его забавляло и лицо и походка, любое моё проявление, всё он непременно приписывал "Сивири".

Через полтора года нам пришлось расстаться, у меня появились другие планы. В его глазах было явное сожаление. Однако, заплатив сполна, он пожал мне руку: - Шалом, Сивирь! - и смахнул слезу.

Бессмертная

-Хочешь волшебного соку ?- спросил меня мальчик и просунул трубочку от градусника сквозь штaketник детского сада (мальчик был не наш, не детсадовский). С одной стороны трубочка эта была отколота, а в ней полосочка красненькая.

-На-ка, потяни в себя из трубочки, увидишь что будет.

Мне стало ужасно любопытно:

-Волшебная? Правда?!

Язык обожгло: -Фу, гадость какая!

-Ага! - обрадовался мальчишка. - Отрава это! И теперь ты умрёшь!

Он страшно засмеялся и убежал.

-Какой ужас! - по моей спине побежали мурашки: Но к-к-как... когда я умру? Сейчас, или попозже? А может быть я уже умираю?! Нужно об этом воспитательнице сказать...но она же ругаться будет! Нет, не скажу... умру тихонечко... Бабушка говорила, что когда умирают, сердце останавливается. А моё: тук тук-тук - ого, как

колотится

Но ни есть, ни играть я уже не могла, всё проверяла – стучит ли моё сердце. Весь тихий час лежала я, оцепенев от страха:

- Сейчас умру! Вот - вот...

И домой пришла потерянная.

- Лапушка, у тебя болит что-то?- спросила бабушка.

-Ба, я не умру?

-Да что ты? Умирают только старики.

-А вдруг у меня сердце остановится?

-Чего это вдруг?

Может рассказать бабушке про трубочку? - подумала я - Нет, бабушка испугается, побежит со мною к врачу, а врачей я боюсь. Но может быть я всё- таки и не умру? Не умерла же я в садике. Но заснуть я всё же боялась , руку от груди не отрывала. Я слышала от взрослых, что иногда и во сне умирают. Бабушка говорила, что это хорошая смерть. Но и хорошей смерти я никак не хочу. Вот засну и всё, так и не замечу, как умерла. Нет! Нет! Не буду я спать!

-Баб, мне страшно, ляг со мной рядом. Спой песенку.

Бабушка легла - большая, надёжная- и запела про Машу-пастушку. Эту песенку-историю я уже много раз слышала: Влюбился в Машу чернобровый подлец и наобещал ей подарков: и костюм черно-синий и шляпу большую, а сам взял - и бросил её , а Маша ребёночка родила. Потом-то она научилась "водку русскую пить, и однажды ребёнок скончался, научилась она в рестораны ходить и однажды ей муж повстречался..." От том как Маша зарезала чернобрового подлеца я уже не услышала. Толи умерла, то ли

заснула...Проснулась утром и руку к сердцу- Бьётся! Бьётся, родимое! Вот радость-то! Значит, наверное, я никогда уже не умру?.. Бессмертная значит!

Математика

А ты, Поля, останешься после уроков, строго сказала Нина Григорьевна.

- Опять?! Ой, ну что за наказание?

А за окном падает снег и весь город восторженно-нежен, а мне снова сидеть после уроков... И всё из за этой математики! Я её ненавижу!

-«Будь внимательней.»- говорит Нина Григорьевна, глядя в мою тетрадку, а я не могу, ну никак не могу быть внимательней. Я очень стараюсь! Учительница за столом проверяет наши тетрадки. А моя контрольная с двойкой лежит перед носом и показывает язык. Никаких сил нет на неё смотреть.

Я и утром хожу заниматься к учительнице домой. Я, и ещё трое двоечников. Дома учительница другая, совсем не строгая, и на голове у неё смешные косички. Дома она смеётся и вкусно нас кормит: - «Ах, какие у меня сегодня котлеты, ну- ка подставляйте тарелочки!»

Какая она хорошая,- думаю я, но всё портит эта злая математика. Нина Григорьевна очень старается научить нас считать, (для этого и зовёт всех к себе домой). Но она уходит на кухню, и мы начинаем баловаться. Никто из нас не любит гадкую математику, она совсем нас замучила.

- Поленька, ты уже второй час решаешь один пример. Будь внимательна! -Ага, значит у меня опять ошибка. Ну, когда же это закончится?! А математика никак не заканчивается... Никогда! Вот и после уроков... Как же хочется побродить по снегу, (я люблю ходить одна, люблю падать в сугроб и что бы на лицо снежинки, и зима меня засыпает, принимает в свои снегурочки).

- Нина Григорьевна, можно выйти?

-Ты уже три раза выходила.

- Ну пожаалуста !

Я спускаюсь на первый этаж. Там под тёмной лестницей живут ведро и швабра уборщицы. Я переворачиваю ведро и сажусь сверху. Нет у меня сил возвращаться в класс, посижу, подожду, ведь когда-нибудь Нина Григорьевна соберётся домой и, наконец, отпустит меня. И я цепенею надолго.

По темноте за мной приходит бабушка. И я слышу как ищут меня по коридорам. - Вот так всегда, говорит Нина Григорьевна моей бабушке, сидит где нибудь и мечтает. А утром я опять понуро бреду по яркому снегу к учительнице домой. Вскоре, под лестницей, поселилась коренастая табуреточка.

Фаня и Абраша

Этот «старый дедушка» не произносил ни слова, а только беззубо улыбался. Он сидел на пружинном диване с откидными катушками по бокам и всем своим видом выражал радушие. Взрослые, и моя бабушка, и все дяди, и тёти, подобострастно сгибались перед ним: поправляли скатерть, пододвигали тарелочки, брали за руку, заглядывали в глаза. Мне было странно, что взрослые так суетятся вокруг этого тихого старика, стараясь ему угодить. И, даже я, пятилетняя, вслед за взрослыми, смирялась и никогда при нём не привередничала. А он молчал, как трава, и в молчании его не было ничего царственного. Но только один человек не подобострастничал, и не преклонял перед ним голову, пожилая, черноволосая женщина - баба Фаня.

Старик сидел на своём продавленном троне в отглаженной хлопковой рубашке и домашних брюках, а баба Фаня всегда молодилась, лёгкие блузки в мелких розочках, всегда подкрашенные губы, аккуратно убранные волосы.

Старика она называла не иначе как Абрашик, (никогда Абрам), все мои взрослые и старшее поколение, и дядя помладше говорили о нём - «дедушка Абраша». Все они и в глаза и за глаза, выражали безусловное обожание этого улыбчивого старика, любое его желание перешептывалось из уст в уста и тут же «принималось к исполнению». Но желал дедушка мало, говорил тихо, и только баба Фаня была его собеседником и переводчиком. Обычно, мы приходили к старикам, после демонстраций, «закусить» Советские праздники. Но едва взрослые переступали порог дедушкиного дома, как тут- же бравада лозунгов и призывов, оставались в далеком прошлом. В доме царил культ улыбчивого молчуна и пахло сладким печеньем и мясным «кисло-сладким», из графинчика разливалось приторное домашнее вино, и никаким «строительством коммунизма» не пахло вовсе. Принаряженная баба Фаня, и тихий «старый дедушка»... За день, он мог не проронить ни слова, но чем больше он молчал, тем ниже нагибались к нему, его, уже постаревшие дети, словно под благословение. Так любой Советский парад оканчивался обрядом почитания дедушки Абраши.

Баба Фаня была разговорчива и любила угощать. Когда бы мы не приходили в однокомнатную коммуналку к дедушке Абраше, на столе тут же появлялись «изысканные яства». Из обычных круп и овощей баба Фаня чудесным образом наколдывала деликатесы, у неё был талант не только вкусно готовить, но расхваливать свои блюда, (сегодня она могла бы делать рекламу).

- Кушай, деточка, посмотри, какой румяный пирожок, так и просится к тебе в ротик, обязательно покушай винегретик, в нём полезные витамины, понюхай, "зунэлэ", как он пахнет...

Обычно я плохо уговаривалась поесть. Бабушка всегда жаловалась, что её «мэйделэ», совсем ничего не кушает. Но баба Фаня могла уговорить любого:

- Да, что ты, Рухалэ, смотри как девочка хорошо поела. Выйти из этого дома без печёного гостинца было невозможно. Фирменным любимым печёным, были «штруделя» с изюмом и тёртыми орехами, и каждому был приготовлен пакетик с изрядной порцией домашнего печенья.

Дедушка Абраша был моим прадедушкой. Всю жизнь он портняжил, и говорят, слыл очень хорошим специалистом, особенно ему удавались мужские костюмы, а это - высший пилотаж портновского мастерства. Так мой дед, познакомился с бабушкой, придя заказать костюм у лучшего портного.

Со мной дедушка Абраша, почти не разговаривал, но всякий раз гладил по головке, невесомой рукой и улыбался. Для меня навсегда осталось загадкой, магия его всеобщего обожания, ведь и после смерти прадедушки, разглядывая фотографии с его изображением, любой из взрослых светлел и произносил ласково: - Это наш дедушка Абраша. Баба Фаня стала его женой, после смерти моей прабабушки. Её я совсем не знала. Всю жизнь она рожала детей, и спасалась от голода. Голод на Украине унёс девять её малюток, и лишь трое остались в живых, что бы родить всех нас. Фаня пришла в нашу семью, когда у выживших детей, были уже свои дети, и о её прошлом, я узнала от бабушки.

Баба Фаня была бездетна: Во время войны фашисты загнали всё её местечко в болото. Люди захлёбывались, или живьём поглощались трясинной. Прямо на головы тонущих, фашисты положили доски, на которых стояло несколько фрицев стрелявших в каждого, кто пытался вырваться из под них. Тогда, ещё молодая Фаня, оказалась сверху уже захлебнувшихся родных, она не могла пойти ко дну, так как лежала на трупах, и не могла выбраться из под досок. Глубокой ночью, когда выстрелы стихли, она выползла на берег, и ушла в лес. В том болоте, она застудилась и больше не могла иметь детей. С тех пор Фаня жила для других. Она легко вошла в нашу семью, её все любили. После смерти прадедушки, она говорила о нём: - Он был добр, как ангел.

При этом, она скоро вышла замуж, за другого дедушку, наполнила его дом теплом и вкусными запахами, а когда он слёг, ухаживала за ним до самой его смерти. Отсидев положенный траур, баба Фаня встретила другого старика, и история повторилась. Б-г дал ей долгую жизнь, и всю свою старость, она выхаживала, ухаживала и достойно провожала на тот свет, стариков, чаще всего, совсем одиноких. И чем старше она была, тем короче было время жизни её мужей.

Когда я пришла к ней в гости в последний раз, в её кухне стоял всё тот же пропахший приправами, старинный буфет с окошками, створками и деревянными шарами. Баба Фаня, по - прежнему украшала дом мелкими розочками и подкрашивала губы. Ходила она с палочкой, ноги её тряслись, и хотелось подхватить её, лёгонькую и переставить, что бы её не качало сквозняком, но она удивительно точно, словно прицеливаясь, ставила и клюку и ноги так, что упасть ей было невозможно: - «Фэйгеле», говорила она, что же ты не подкрашиваешь губки, ведь ты же замужем, муж должен видеть тебя всегда красивенькой и аккуратной.

Бабе Фане было тогда около ста лет...

Резиновые сапоги

На каждый кед налипло по жирному комку грязи и я скользила по мокрому междурядью рассыпая из ведра помидоры... Резиновые сапоги были опрометчиво забыты мной в студенческом общежитии. В магазинчике, под названием «Сельпо», рядом с одереженевшими пряниками, поблёскивали маслом свежие гвозди, а на банках с повидлом нежились рабочие ботинки, это был магазинчик парадоксов и загадок, но резиновых сапог в нём не оказалось. Мне приходилось топтать по грязи в прорезиненных обмотках, напоминавших кеды.

- На тебя, Печкина, больно смотреть, вздохнула Валентина Николаевна, (педагог училища, приехавшая с нами в Ивановский колхоз на сбор урожая). – Даю тебе день отгула, поезжай-ка в город, привези свои сапоги.

Рано утром я собралась в путь... Десять дней назад, нас привезли в Ивановку на грузовиках, с маленькой железнодорожной станции «Поздеевка». Я подставляла голову тёплому ветру и не собиралась запоминать дорогу. Да это было и невозможно: грунтовая пыльная дорога, поля, леса, опушки, озёра, лужи...

Валентина Николаевна тоже не знала, как добраться до станции, но весело сказала:

- Дойдёшь до конца села и спросишь. Давай, Печкина, гуляй и помни, завтра ты снова тут. С утра в поле!

И я пошла. Село было большое, но вот оно позади, а единственная прямая дорога не выглядела замысловато. Изредка, на встречу шли мужики колхозники, но спрашивать у них о дороге на станцию мне казалось рановато, прямая, она и есть прямая. И вот уже час я заворачиваю, вместе с дорогой, то налево, то направо, но вдруг «прямая» раздвоилась. Я встала у развилки и стала ждать прохожего. Но не было ни души. Я стояла уже минут двадцать и, сравнивала обе части. Они были одинаковы. В семнадцать лет, долго ждать, скучно до невозможности. Но я ждала...ещё минут пятнадцать, а потом ноги понесли меня по одной из дорог. Но я всё ещё не теряла надежду встретить кого-нибудь и спросить, правильно ли я иду. Но громкий гул машин, не успел меня даже обрадовать. Это были военные машины, брезентовые фургоны набитые солдатиками. Я и руку поднять не успела, только посмотрела им вслед.

Уже четыре часа назад, я вышла из колхозного лагеря, интересно, за какое время можно пройти расстояние, которое мы проехали на грузовиках за сорок минут? Задача не простая. И я всё шла по безлюдной дороге, надеясь увидеть первые дома железнодорожной станции. Сельскохозяйственные поля до горизонта перемежались лесом, в его впадинах блестела черно-синяя вода, Иван чай подбегал розовыми волнами к

дороге, а цветные лютики, зонтики, косички и яркие завитушки мышиного горошка, не давали мне особо переживать по поводу никак не появляющейся станции. Мимо грохотали солдатские фургоны, или пробегали сомлевшие деревенские дворняжки с высунутыми языками.

Но вот солнце перевалило за полдень, пошло к закату, и я почувствовала, что устала. Присела на травку у обочины и пожалела, что не взяла ничего попить и поесть, пожевала травинку... И тут в голову мне пришла мысль, что я не знаю расписания поездов до города: - А что, если вдруг не успею на последний? К тому же не все поезда останавливаются на этой маленькой станции, а я наобум, не понятно на что надеюсь...

Но я уже в пути, да и вряд ли бы мне кто-то помог с расписанием поездов, преподаватели, что приехали с нами, сами были городскими гостями в это дремучем, чернозёмном колхозе, выростившим такой урожай, собрать который было никому не под силу. И потому на дороге ни души, все на работе... а собаки, жаль, не разговаривают. Я поднялась и снова пошла. - «Но что-то уж больно долго я иду»...намекнула мне через час моя усталость. А потом с ужасом предположила: - «А вдруг я пошла не по той дороге?»

Но ответить что же мне теперь делать, усталость была не в силах. Я попробовала забыть свои сомнения, покосилась на цветочки, горящую весёлым огнём листву, но всё померкло и вместе с солнцем собиралось на покой. Я шла ещё час, заставляя себя на что-то надеяться, но всё больше понимая: - «Станции не предвидится! Я ушла от неё в другую сторону совершенно безнадежно». Солнце садилось, и мне светило остаться на ночь в диком лесу. Я даже завернула в этот лес, что бы представить, как это может быть... Но лес был совершенно не прирученным, с колючим подлеском, стаями комаров и остро - пахнущим раскидистым папоротником. От лесного озера дохнуло лешими и русалками. Продраться вглубь леса, через густой шиповник было не просто, но самое страшное - это сонм гнуса и... наверное, здесь водятся медведи. Не мультяшные, олимпийские, а самые настоящие.

Прикорнуть у дороги? Семнадцатилетней девушке, пожалуй, безопасней, в лесу. Вечерело, и я поняла, что спать в эту ночь не буду, и завтра утром в лагерь не приду. Мне остаётся одно - идти прямо, как и шла. С одной стороны лес, а с другой высокая насыпь. Я иду вдоль неё уже давно, и мне скучно, в надвигающихся сумерках идти по дороге, взойду- ка я на насыпь для разнообразия...

Но что это?! На насыпи рельсы узкоколейки, а под ней домишко с вывеской: «Разъезд - 104 », (за день я прошла расстояние до следующей станции). И тут же, летящие на меня, горящие торжеством глаза поезда. Он остановился аккуратно напротив этой почти безымянной станции. И это был мой поезд! Последний на сегодня поезд до города. Я ошарашенная, такой неожиданностью, на трясущихся ногах, взобралась по его железным ступенькам. От мысли взобраться на насыпь, и до этого мгновенья не прошло и пяти минут. Я смотрела безумными, круглыми глазами, на пролетающий мимо чужой чёрный лес, из мирно топающего освещённого вагона и приходила в себя. Ко мне подошла проводник.

Сколько билет до города?

- Шестьдесят четыре копейки

Отсчитывая мелочь я подумала: - Вот сколько стоит моя жизнь... Всего шестьдесят четыре копейки.

Переночевав в общежитии, я на первом же утреннем поезде, с резиновыми сапогами в пакете, доехала до «Поздеевки», но добралась пешком до лагеря только к обеду.

Когда меня, по традиции, на Хануку, просят рассказать, о произошедшем со мной чуде, я обычно рассказываю эту историю

СТИХИ ЛАВОЧКИНОЙ РИММЫ

***

О, золотая Афродита,
Простите мне мой ветхий дым.
Плачу за луны и ланиты
Надменным именем своим.

Я холодна. Я безупречна.
Вживаюсь в лабиринт морщин.
- Прощайте, звонкая беспечность
И легион моих мужчин.

О, Боже, как я их любила!
Во все свои колокола!
Я никому не изменила,
А просто всех их отдала.

Я говорила: - Мне не надо
Ни слёз. ни счастья, ни фаты.
Я только страстная отрада,
Я просто родом из воды.

Я говорила: - Будь, что будет!
Цвела и пахла, как сирень.
Теперь я соткана из судеб
Немых растерянных сирен.

***

Я сильная, я смелая,
И я всего добьюсь!
Но ничего не делаю
- Я так тебя боюсь!

Боюсь тебя, вихрастого
Лихого звездуна.
Лобастого, горластого,
Родного, как страна.

Я вся в тебя завинчена,
Твоя, как дважды – два.
Сплошная безъязычина,
Покуда ты – слова.

Ведь я то, я то, я то же,
Твоя шальная суть.
И надо, надо, надо же
Взмолиться и взметнуть!

Но жизнь моя, на доньшке,
А мир на волоске,
И все мои воробушки

Уже давно в руке.

Тоска моя горелая!...
Подохну, ну и пусть!...
Я сильная, я смелая,
Я так тебя боюсь!

* * *

Всё несёт меня по России.
Прямо в осень: туда- сюда.
Что бы помнила я, как сильно
Любят Родину поезда.

На полях – седина, да пена,
Пух, да пепел... Вся радость – в пыль.
Отплясало лихое лето,
Отвизжало свою кадрили.

- Подожди!- я ему кричала.
Да куда там?! Со всех сторон
Топ да топ... каблуки - в мочало,
Только ветер, и свист, и звон.

Деревеньки пыхают трубами,
Страстотерпицы, близнецы.
В них режут свои песни грубые
Деревенские гордецы.

Урезонены, остаканены.
Нам далече, а им куда?
Вся Россия – одна окраина,
А столица в ней – поезда.

Всё им здесь, работягам, по сердцу,
Всё бы нянчить нас, да качать,
И Россию в дожде и в осени
Необъятную – приобнять.

***

Я с детства не любила математику.
Её азарт: «Внимание, на старт!»
Её стальных безжалостных солдатиков:
Их выправку, их форму, их штандарт.

Они пулялись ядрами и копьями,
Они в лицо плевали со страниц,
Они кричали:- Будь ты трижды проклята,
Растяпа, и тупица из тупиц!
О, сколько было слёз над ними пролито!
И вот, закрыв учебник на засов,
Решила я, что обойдусь без ноликов,
Без возраста, без денег, без часов...

Я не знаю, сколько мне зим и лет,
Я живу под небом – трава-травой.
Я имею всё, и любовь и свет,
И хранит меня фотосинтез мой.

КЛЕЙЗМЕР*

Скован мой мозг деревянной уздечкой,
Дышит на свечи древняя речь,
И не отречься ни от словечка...
И не отречься, и не сберечь.

Я из местечка с именем Вейзмир,
Где под крылечком липкая течь.
Где даже печка стонет, как клейзмер,
Где не отречься и не сберечь.

Где с перепугу кашей юлила
В мерки, да в бирки, да в потроха...
Где с передрогу кашлем скулила
Древняя песня в голых руках.

Я в эту песню бедную верю,
В беглую песню в визгах пурги.
Ах, как я песню эту согрею,
Выручив скрипку за сапоги.

Так вот и буду - босым да плясом,
Чарам сверчальным всё нипочём.
Я из отчаянья, крови да мяса,
Да девочка-скрипка дышит в плечо.

Как эта девочка выла метелью!
Как оголтелью билась в дома!
Да закрутила мир каруселью,
Да параллели переплела.

Пусть этой девочкой весь я изверчен,
Весь изувечен верностью, пусть,
Только бы вечно в ветреный вечер
С неба выдаивать сизую грусть.

Чтобы слезою сердце кололо
Чтобы лозою в небо лилось,
Чтобы поспело первым глаголом,
Чтобы болело, чтобы сбылось!

Счастье еврея – штрудель да штрэймэлэ,*
Я же, другую страстью кручён...
Песни да пейсы, да скрипочка-мэйдэлэ*
Клонит голову мне на плечо.

Скован мой мозг деревянной уздечкой,
Дышит на свечи древняя речь,
И не отречься ни от словечка...
И не отречься, чтобы сберечь.

*- клейзмир –музыкант (евр.)
*-штрэймэлэ – ритуальная шапка (евр.)
*-мэйдэлэ – девочка (евр.)
* * *

Из московского "рая"
Уезжаю, и пусть
Серо – буро – родная
Открывается Русь.

Загрущу и загину,
Но умом не пойму...
О, немая машина,
Дай тебя обниму.

Лишь сырые занозы
У тебя в кулаке,
Но курлычут берёзы
На лесном языке.

И клокочет и гычет
Рыба–кит на реке
На родном, на привычном,
На речном языке.

Здесь любая корова
Велика на века,
Выплавляется слово
Из её молока.

Всё пронизано песней,
Словно буквы в строке
На живом, на уместном,
На моём языке.

ШУТКА

Живу под Богом, но понарошку,
Как все простые слоны и кошки.

Живу под Богом, как божья долька,
Не сомневаясь в себе нисколько.

Коровка божья, и та ни разу
Не покидала Его запазух..

А я чего же? А я куда же?
Ведь я ни то же... ведь я ни даже...

Я прост....- О, Боже!.. Я просто Римма.
Я просто тоже имею имя.

И это имя – мой вечный остров.
И быть моими совсем не просто.

Совсем не просто, да что в том толку?..
Подайте посох да треуголку,
Мешок вопросов, да в путь-дорогу...
Прощай, мой остров, я в гости к Богу!

***

Наше местечко шлёпнулось с неба...
Но не на долго... и не всерьез.
Бац – и скатилась ветхая небыль
С белого облака, в чёрный навоз.

Здесь и живу я, счастье латаю:
В печке – заботы, в речке – вода...
Ночью, бывает, прочь улетаю
Утром не вспомню с кем и куда.

Утром не вспомню этой напасти:
Тоненький месяц рожкой боднёт,
Торкнет под сердцем- «Вот вам и здрасти,
Выйдет мне боком этот полёт!

То колошматюсь, то трепыхаюсь,
В мокрых пелёнках, да в тесноте...
Гибельной нежности липкая завязь
Буйно цветёт у меня в животе.

Ножками лупит, солнцем лучится,
Рвётся наружу дура-любовь.
Скоро мне снова нужно учиться
Горькие губы искусывать в кровь.

Вечно обноски, ошмётки, объедки,
В печке ни дыма нет, ни огня...
Что ж вы покойные бабки, да дедки,
В мир прорастаете через меня?!

Что же вы, лапушки? Что же вы детки,
Рыжим бурьяном прёте на свет?
Где будет ветка да старая клетка.
Где ничего невозможного нет...

Адам

***

Я одрях, я бороною оброс,
Я – Адам, я самый бедный еврей.
У меня один бездонный вопрос

И орава молодых сыновей.

Всё им чудится, что счастье в горсти,
Всё им, мнится, состоит из чудес,
Всё им хочется с собой унести...
Но снегами сыплет манна с небес.

Но всё просто повелось испокон.
Всё здесь золото, что ярко блестит.
Всё здесь песенка – и хохот, и стон.
Всё от Бога, что по небу летит.

Самолётная молитва

Мы дёргаем небо за нити,
Мы сплошь из ветрил и руля,
Но нас всё равно примагнитит
Смешная простая земля.

Но каждый напыщен и взмылен,
И жизнь именуется судьбой.
О, Господи, где мои крылья?!
Мой дом где-то рядом с тобой...

Но мне эта участь не светит.
И я непременно вернусь,
Туда, где грустят мои дети
И машет берёзами Русь.

Туда, где ухабы да хатки,
Туда, где трава, да дрова,
Где сплошь – сырьевые придатки
И глухо– бездонны слова.

Почто я из боли и пыли,
И гадок мне глянец и лоск?
О, Господи, где мои крылья?!
Одни только перья, да воск...

Одна только милость, да жалость,
Которую в землю пролью.
О, Господи, что мне осталось,
Когда я так сильно люблю?

Русалка

Это озеро я наплакала,
Из тоски моей этот плёс.
Я живу с сомами и раками,
И хвостом виляю, как пёс.

Я живу изгоем и жупелом,
Водяною Бабой Ягой.
Я пугаю рыбьими струпьями,

И бесстыжей грудью нагой.

Люди говорят, что проклятая,
Что живу, ярма не надев,
Ворожу зелёными патлами,
И хватаю за ноги дев.

Не бывать мне белой невестою,
Не носить в утробе детей.
Горький омут нянчить да пестовать,
Да любить поганых чертей.

Но ярится солнце зелёное,
Только гладь хвостом поморочь,
Бархатным крылом махаоновым
Укрывает тёплая ночь.

Звёзды вниз сигают и пенятся,
Полон мир желанных затей.
Небо над седым полумесяцем
Всё в подтёках млечных путей.

Звёзды мне на голову капают,
Но едва прорвётся покров,
Выйдет утро, сонными лапами
По щекам хлестать комаров.

Под ветрами сохнут окатыши,
Тополиный носится дух,
Дышат ладом тонкие ландыши,
И лягушки думают вслух.

Полыхают страстью сараночки...
До чего ж их кровь горяча!
Скачет лето пёстрой цыганочкой,
- Ча-ча- ча! – сверчит саранча...

* * *

Мы герои одной трагедии,
Где тропинки пропахли хной,
Где хранил ты своё неведение
Много лет для меня одной.

Мы гуляли с тобой под деревом
В мире сотканном из добра,
Но созрел во мне плод мистерии:
Я была как змея мудра.

Я была как земля безропотна,
Знала я, ты не будешь скуп
На горячку ночного шёпота,

На трясучку бродячих губ.

Знала я : будут пахнуть волосы,
Руки бредить, глаза вникать...
Знала как мы без сна и голоса
Будем пере...перетекать...

Как нам после скучать и маяться,
Как нас скрутит и понесёт...
Ах, я знала, что с нами станется.
Ты не знал, я же - знала всё!

Когда был ты ещё детёнышем,
И ручьи молоком текли,
Разговорчивые змеёныши
На тоску меня обрekli.

Так и стала я первой грешницей,
Потому, что с тоской в крови
По дремучей тягучей нежности,
По горючей слепой любви,

Стала грезить не райским пламенем,
-Тёплой печью в родной избе,
О семи добродушных Каинах
С грозным Авелем во главе.

Я всегда заблуждалась искренно,
Увязала тоску в мешок...
Никуда мы с тобой не изгнаны.
Сам ты следом за мной ушёл.